

С доказательствами и свидетелями судья быстро вынес приговор.

«Чжан Юаньчжун, подстрекавший У Лю к поджогу и уничтожению чужого имущества, учитывая, что поджог не был осуществлён, приговаривается к восьмидесяти ударам палкой в назидание другим».

«У Лю, подчинившийся указаниям Чжан Юаньчжуна и попытавшийся совершить поджог, учитывая, что поджог не был осуществлён, а также его добровольное признание, приговаривается к пятидесяти ударам палкой с учётом смягчающих обстоятельств».

Судья вынес вердикт, и стражники повели двоих на наказание. Всё происходило прямо за пределами зала суда.

Крики не прекращались. Лу Цзин, взяв Юнь-гэр и Нань Ци, вышел из суда, избегая толпы. Видя, что на их лицах читается тревога, он намеренно сменил тему: «Раз уж мы в городе, давайте прогуляемся».

На их лицах появилось колебание: «Но магазин...»

Лу Цзин улыбнулся: «Сегодня мы не открываемся. Отдохнём один день».

Нань Ци обрадовался и, воспрянув духом, сказал: «Тогда пойдём».

Юнь Фэй тоже вышел из суда и направился к ним. Лу Цзин поклонился: «Спасибо за помощь, брат Юнь». Перед выходом он отправил сообщение Юнь Фэю, попросив его привести управляющего Чжана в суд, чтобы избежать задержек.

Юнь Фэй ответил: «Теперь понятно, почему ты ездил так далеко в "Яньюнь". Твой конкурент действительно жесток».

Лу Цзин оглянулся на здание суда. После этого он не верил, что "Ваньнин" сможет остаться в городе.

Поскольку Юнь Фэй был с ними, Лу Цзин пригласил всех в ресторан города, чтобы угостить их. "Юньхуачжай" уже заработал немало денег, и они могли позволить себе обед за несколько таэлей серебра.

За столом Лу Цзин был занят тем, что подкладывал еду Юнь-гэру, а Юнь Фэй исподтишка пытался выведать что-то у Нань Ци. Однако, хотя Нань Ци был простодушным, он не был слеп к намерениям других и умело уходил от ответов.

Он не мог понять, почему этот человек так настойчиво зовёт его в свою мастерскую, когда в

мире столько талантливых вышивальщиц.

После обеда они отправились гулять по магазинам города. Лу Цзин вспомнил, что, кроме помолвки, он никогда не покупал Юнь-гэру украшений, и повёл его в ювелирный магазин.

Однако все украшения были предназначены для женщин, и Лу Цзин не нашёл ничего подходящего. Он осмотрелся и заметил на полке что-то похожее на разноцветные кристаллы. Он спросил у продавца, можно ли сделать из них серёжки.

В эту эпоху кристаллы назывались «водяной дух» и были недорогими. Лу Цзин выбрал зелёный, белый и голубой кристаллы, чтобы сделать три пары серёжек с золотыми застёжками для Юнь-гэра. Он нарисовал эскиз на месте и отдал его продавцу.

На эскизе был простой дизайн: золотая основа удерживала кристалл размером с кончик пальца. Продавец кивнул, подтверждая, что это возможно. Лу Цзин сразу заплатил, договорился о времени получения и ушёл с квитанцией.

Юнь Фэй ничего не купил. Его нужды обеспечивали другие, и ему ничего не было нужно. Он просто смотрел на безделушки на прилавках, не проявляя особого интереса.

Нань Ци, однако, купил еды. Он помнил слова врача о том, что Чжоу Яня нужно хорошо кормить, и, видя что-то полезное, хотел купить. Теперь у него были сбережения, и он мог себе это позволить.

Четверо весело гуляли по городу, а в городе Чжэси поднялся переполох.

Сначала Лу Цзин рано утром отвёз злоумышленника в уездный суд. Многих разбудили ночью, но только ближайшие соседи знали, что произошло. Увидев, как Лу Цзин увозит человека, они начали расспрашивать друг друга.

И что они узнали! Оказывается, прошлой ночью злоумышленник хотел устроить поджог! Все были в ужасе. В городе много деревянных домов, и если бы начался пожар, он мог бы уничтожить целый район. Кто мог быть настолько злым?

Люди ругали преступника, но радовались, что Лу Цзин поймал его, и он не успел осуществить задуманное.

Зная об этом, люди не удивились, что "Юньхуачжай" не открылся, и даже сочувствовали им. Но "Ваньнин" тоже не открылся, и все задумались: что случилось с "Ваньнин"?

Госпожа Ли, услышав от слуг, что управляющего Чжана увели на повозке, в панике опрокинула чашку чая. Она немедленно отправила всех слуг на поиски, но безрезультатно.

Госпожа Ли была в растерянности и собиралась отправить кого-то в суд, когда привратник сообщил, что пришли стражники. Она обрадовалась, думая, что её мужа спасли и привезли обратно. Но, подойдя к двери, услышала холодный голос стражника: «Здесь живёт Чжан Юаньчжун?»

Госпожа Ли поспешно ответила: «Да, я как раз собиралась сообщить в суд. Моего мужа сегодня утром похитили».

Стражник сказал: «Чжан Юаньчжун подстрекал к поджогу и получил восемьдесят ударов палкой. Вам нужно забрать его из правительства округа».

Стражник развернул лошадь и уехал, а госпожа Ли была как громом поражена. Она отступила на несколько шагов, прежде чем смогла устоять на ногах. Служанка поспешила поддержать её. Госпожа Ли бормотала: «Этого не может быть, должно быть, какое-то недоразумение...»

Она приказала запрячь повозку и поспешила в уездный суд. Только увидев еле живого управляющего Чжана, она поверила, что это правда. Госпожа Ли сразу отвезла его к врачу, который сказал: «Травмы слишком серьёзные. Мы сделаем всё возможное, но даже если он выживет, потребуется много лекарств и времени для восстановления».

Госпожа Ли смотрела на бледное лицо мужа, лежащего без сознания, и чувствовала, что их семья вот-вот рухнет.

Соседи, которые пошли в суд посмотреть на зрелище, вернулись в Чжэсичжэнь и принесли шокирующие новости.

Оказывается, злоумышленник действовал по чьему-то приказу, и этим человеком был управляющий Чжан из "Ваньнин"!

«Ого! Какая же это вражда, если он пошёл на такое?»

«Думаю, это из-за того, что "Юньхуачжай" отобрал у них бизнес. Но они же открыто копировали их дизайны! Если у кого-то и должна быть обида, то у "Юньхуачжая"».

«Хорошо, что господин Лу был быстр и не дал им осуществить задуманное. Они говорили, что хотят сжечь только склад, но кто знает, что могло бы случиться? Могли бы погибнуть люди».

«Я больше не осмелюсь покупать одежду или ткани в "Ваньнин". Управляющий Чжан всегда казался таким добродушным, но кто бы мог подумать, что за спиной он такой коварный».

«Совершенно верно. В будущем будем ходить в "Юньхуачжай". У них теперь тоже есть ткани. Я вчера заходил, и их узоры просто великолепны. Даже лучше, чем в "Ваньнин"».

«Правда? Тогда мне тоже нужно заглянуть».

«...»

Только к концу дня они неспешно вернулись в город.

Юнь Фэй попрощался со всеми и вернулся в снятый им дом, а Лу Цзин и остальные поехали на повозке во внутренний двор.

Чжоу Янь, опираясь на костыль, вышел наружу. Сначала он посмотрел на Нань Ци, и, увидев, что тот в хорошем настроении, успокоился. Затем он спросил о ситуации в суде.

Нань Ци подробно рассказал ему, а затем помог ему сесть: «Доктор Ван сказал, что тебе нельзя стоять. Ты что, не хочешь, чтобы нога зажила?»

Чжоу Янь, глядя на то, как Нань Ци внимательно смотрит на его раненую ногу, словно принял важное решение и сказал: «Молодой господин, я слышал, что ты часто общаешься с новым господином Юнь Фэем. Ты... тебе не нужно думать обо мне. Это я тяну тебя вниз».

Каждое слово Чжоу Яня будто ранило его сердце. Если бы с молодым господином ничего не случилось, он и Юнь Фэй были бы ровней.

Но сейчас всё не так плохо. Юнь Фэй, кажется, очень любит молодого господина. Лу Цзин говорил, что он сам добился успеха и не обращает внимания на происхождение. Если молодой господин будет с ним, он проживёт гораздо лучшую жизнь.

Нань Ци замер: «Ты... хочешь, чтобы я был с Юнь Фэем?»

Чжоу Янь не смел смотреть в глаза Нань Ци. Он боялся, что, если посмотрит, не сможет отпустить его. Он опустил глаза: «Господин Юнь Фэй и молодой господин подходят друг другу».

Нань Ци не ожидал, что он сможет так спокойно уговаривать его быть с кем-то другим. Он начал сомневаться, не ошибся ли он в его чувствах. Но, опустив взгляд, он увидел, как Чжоу Янь сжал кулаки так сильно, что выступили вены.

Нань Ци почувствовал, как его сердце наполнилось горечью и нежностью. Он не ожидал, что этот большой дурак действительно настолько глуп, что, считая себя обузой, готов оттолкнуть его к другому. А как же его искренние чувства? Они навсегда останутся скрытыми под обращением «молодой господин»?

Чжоу Янь долго не слышал ответа Нань Ци и поднял голову. Он увидел, как в глазах Нань Ци

появились слёзы, и запаниковал: «Молодой господин, не плачь. Я ошибся, прости...»

Он продолжал бормотать извинения, но Нань Ци внезапно подошёл и обнял его. Чжоу Янь потерял дар речи. Раньше Нань Ци бросался к нему в объятия только в моменты эмоционального срыва, но сейчас он не понимал, почему.

Он растерянно развёл руками, не решаясь обнять в ответ.

Нань Ци сквозь слёзы сказал: «Ты большой дурак. Разве ты не любишь меня? Почему ты хочешь, чтобы я был с кем-то другим?»

Чжоу Янь замер и инстинктивно начал оправдываться: «Нет, молодой господин, я... я всего лишь слуга...»

«А что, если я позволю тебе любить меня?» — прервал его Нань Ци.

Чжоу Янь потерял дар речи. Он даже не смел задуматься о значении этих слов. Голос Нань Ци, дрожащий от слёз, звучал у самого его уха, и он почувствовал, как поддался искушению. Он не смог сдержаться и крепко обнял Нань Ци.

Тело Нань Ци было худым и мягким, как облако. В этот момент он хотел спрятать это облако в своих объятиях, чтобы никто больше не видел его.

Он закрыл глаза, готовый признать поражение. «Тогда я посвящу тебе всю свою любовь. Всю жизнь, пока ты будешь нуждаться во мне, я буду рядом».

Нань Ци наконец услышал слова, которые Чжоу Янь скрывал в своём сердце. Они были простыми, но Нань Ци знал, что Чжоу Янь сдержит своё слово.

И тогда Чжоу Янь услышал тихий и мягкий голос Нань Ци: «Тогда я, пожалуй, тоже буду тебя любить».

Он не мог поверить и даже подумал, что ослышался. Мгновенная радость сменилась беспомощностью и тревогой. «Молодой господин, я... я всего лишь охранник. Ты должен быть с кем-то лучше».

Нань Ци, снова услышав такие слова, разозлился и укусил его за плечо. Тело Чжоу Яня мгновенно напряглось, а Нань Ци сердито сказал: «Тот, кого я люблю, — самый лучший. Если бы мои родители были живы, они бы тоже согласились».

На самом деле его родители давно перестали видеть в Чжоу Яне просто охранника. Они брали его с собой для проверки счетов и постепенно доверяли ему всё больше дел. Кроме того, его

родители очень любили его, и всё, что он любил, нравилось и им.

Нань Ци, говоря о родителях, снова загрустил. Чжоу Янь, забыв обо всём, нежно погладил его по спине: «Молодой господин, не плачь».

Он был косноязычен и не умел говорить красивые слова, чтобы утешить, но Нань Ци знал, что всё, что он делал, было ради него.

Нань Ци сказал: «Не называй меня больше молодым господином. Зови меня по имени».

Чжоу Янь колебался, но Нань Ци, раз уж всё было сказано, больше не сдерживался и снова стал похож на избалованного ребёнка. «Быстрее, а то я расстроюсь».

Чжоу Янь медленно произнёс: «Ци... Ци-гэр».

Его голос был низким, но в нём чувствовалась глубокая нежность. Ухо Нань Ци, которое было ближе к нему, покраснело, и он наконец смутился.

Он опёрся на плечи Чжоу Яня и отстранился. Чжоу Янь убрал руки в стороны. Нань Ци было стыдно, но он всё ещё гордо поднял голову: «Больше никогда не говори таких слов, понял?»

Его щёки были слегка розовыми, а в глазах ещё блестели слёзы. Сидя на его коленях, он гордо поднял голову и отдавал приказы. Чжоу Янь посмотрел на него с глубоким чувством, но покорно ответил: «Понял, молодой... Ци-гэр».

Нань Ци, закончив говорить, наконец не выдержал и, смущённый, слез с Чжоу Яня. «Я... я пойду готовить ужин. Ты, не ходи вокруг».

Чжоу Янь кивнул и проводил взглядом Нань Ци, который открыл дверь и вышел из комнаты.

Лу Цзин и Юнь-гэр тоже были на кухне. Юнь-гэр, увидев его, с удивлением спросил: «Ци-гэр, почему у тебя такое красное лицо? Ты не заболел?»

С этими словами он хотел потрогать лоб Нань Ци, но тот поспешно покачал головой: «Нет, нет, просто мне немного жарко».

Юнь-гэр хотел продолжить расспросы, но Лу Цзин дёрнул его за руку. Юнь-гэр обернулся и, увидев его взгляд, сразу всё понял. Они оба заметили чувства Чжоу Яня к Ци-гэру, но Юнь-гэр думал, что Ци-гэр слишком наивен, чтобы понять это. Теперь же, похоже, он тоже начал осознавать.

Действительно, за обедом Ци-гэр старался избегать зрительного контакта с Чжоу Янем, совсем не так естественно, как раньше. Чжоу Янь же постоянно следил за ним, и в его глазах читалась нежность.

Вечером Юнь-гэр сказал Лу Цзину: «Возможно, скоро в "Юньхуачжае" будет свадьба. Интересно, что они планируют».

Лу Цзин обнял его: «Почему ты всегда беспокоишься о других? Думаю, тебе стоит больше заботиться о здоровье своего мужа».

Юнь-гэр покраснел от слова «муж», а услышав о заботе о здоровье, подумал, что Лу Цзину действительно плохо, и приподнялся: «Что случилось, А Цзин? Тебе плохо?»

Лу Цзин перевернул его и прижал к себе. Он был меньше Лу Цзина, и тот накрыл его, как одеяло. Юнь-гэр что-то почувствовал и замолчал. Ленивый голос Лу Цзина прозвучал у его уха: «Юнь-гэр, помоги мне».

Юнь-гэр, прижатый к постели, не мог пошевелиться. Он хотел убежать, но не смог. В конце концов его лицо тоже покраснело, и он сдался, раскинув руки и ноги. «Я не могу помочь».

Лу Цзин наконец рассмеялся, взял его за руку, перевернул и обнял.

Юнь-гэр покраснел даже глазами. Думая о Чжоу Яне и Нань Ци, живших по соседству, он изо всех сил старался не издавать звуков. Лу Цзин поцеловал его, поглотив все звуки.

На кровати лежал смятый платок. Юнь-гэр, красный от смущения, позволил Лу Цзину взять его руку и массировать. «Юнь-гэр, давай купим дом в городе».

Он недавно видел дом, который снял Юнь Фэй. Он был хорошо обустроен, и, узнав цену, Лу Цзин подумал, что это приемлемо. Они проводили половину месяца в городе, и дом действительно был бы удобнее.

Юнь-гэр тоже согласился. Лу Цзин рассказал ему о сотрудничестве с "Яньюнь". Хотя он получал только половину прибыли, это всё равно была большая сумма. У них уже было почти тысяча таэлей серебра, и этого хватило бы на дом в городе.

Они немного пошалили, обсудили дом и заснули обнявшись.

На следующий день "Юньхуачжай" открылся как обычно, и вскоре в магазине стало многолюдно. Многие клиенты интересовались историей с управляющим Чжаном и расспрашивали помощников. Помощники, следуя указаниям Лу Цзина, отвечали честно, не приукрашивая.

Клиенты, услышав это, ругали управляющего Чжана за бессердечие и говорили, что больше никогда не будут покупать ткани в "Ваньнин". Бизнес "Юньхуачжая" с тканями тоже пошёл в гору.

С другой стороны, в "Ваньнин" управляющий Чжан всё ещё лежал в постели, но приказал помощникам открыть магазин. Если они не откроются, доход за этот месяц будет катастрофическим.

Несмотря на произошедшее, он всё ещё надеялся на чудо. Что, если хозяин не знает? Что, если хозяин пожалеет его, ведь он сделал это ради магазина?

А Фу тоже нервничал. Накануне его семья вызвала его и подробно расспросила, боясь, что он тоже замешан в этом деле.

Он говорил, что точно не причастен, но на самом деле помогал управляющему Чжану распространять слухи. Сегодня он получил сообщение, что магазин нужно открыть, и, хотя ему не хотелось, он не хотел терять работу и пошёл туда.

Вскоре после открытия магазина клиентов не было, но появилась группа людей, бросающих тухлые яйца и гнилые овощи. А Фу поспешно закрыл дверь, боясь, что они попадут в ткани, и ему придётся за это платить.

Он вздохнул. Похоже, ему придётся искать работу.

Те, кто бросал гнилые овощи, были в основном соседями "Юньхуачжая". Если бы пожар действительно начался, они бы тоже пострадали, поэтому ненавидели управляющего Чжана. Сначала они бросили овощи в дом управляющего Чжана, а увидев, что магазин всё ещё открыт, пришли снова.

А Фу, увидев, что они ушли, снова попытался открыть магазин, но вскоре они вернулись. А Фу не мог с ними справиться и просто закрыл магазин, отправившись в дом Чжана объяснить ситуацию.

Управляющий Чжан, услышав это, не смог сдержать гнев и снова потерял сознание. В доме Чжана снова началась суматоха.

Позже Лу Цзин и остальные только слышали от клиентов о дальнейших событиях в семье Чжана.

Через несколько дней "Ваньнин" снова открылся, но с новым управляющим. Однако жители города больше не доверяли им, и бизнес был вялым. Через несколько месяцев магазин окончательно закрылся.

Что касается семьи управляющего Чжана, говорят, что сначала они распустили слуг, затем

продали дом и разогнали жён и наложниц, вернувшись в деревню, где жила их семья раньше.

Управляющий Чжан выжил, но сильно похудел и быстро постарел.

Он сидел на телеге, перевозящей их вещи, и смотрел, как город, в котором он жил десятилетиями, удаляется. Повернувшись, он увидел подавленные и озлобленные лица своих детей и измождённое лицо госпожи Ли. В его глазах наконец появилось сожаление.

Телега покатила прочь, увозя его негодование, злобу и сожаление, далеко от города Чжэси.

Через полмесяца Юнь Фэй, довольный, уехал с новой одеждой. Лу Цзин ранее просил его выдать разрешение братьям Сюй, и Юнь Фэй согласился.

Как только он вернулся домой, он написал письмо братьям Сюй, объяснив ситуацию. Если они согласятся, они смогут закупать ткани у "Яньюнь". Более того, их разрешение было высокого уровня, что позволяло им получать ткани по более низкой цене. Они могли продавать их как в Юньчжоу, так и в Хуаньчжоу.

Сюй Вэньхуа, держа письмо Лу Цзина, покраснел от слёз. Он знал, что они не ошиблись в человеке. Он позвал своих младших братьев и рассказал им хорошие новости. Они договорились отправиться в "Яньюнь", как только нога Сюй Вэньхуа заживёт.

Май.

Лето в этом году было необычайно жарким. "Юньхуачжай" закупил партию лёгкого шёлка, который был прохладным и приятным на ощупь. Несмотря на высокую цену в шестнадцать таэлей серебра за рулон, спрос превышал предложение.

"Юньхуачжай" теперь был известен в уездном городе, и многие специально приезжали в город, чтобы заказать одежду. Они тратили щедро, часто заказывая много за раз. Одна женщина, увидев новый шёлк, заказала по комплекту для каждого члена семьи, полностью опустошив склад магазина.

Юнь-гэр, казалось, особенно плохо переносил жару. С наступлением лета он каждый день был вялым, и у него пропал аппетит. Мягкость, которую он набрал за последние месяцы, снова начала исчезать.

Шёлк, который снаружи было трудно достать, использовался для всей летней одежды Юнь-гэ. Ему было жарко, и Лу Цзин жалел его и хотел купить лёд, но обнаружил, что в городе мало кто хранит лёд, и его почти не продают.

Лу Цзин немного порасспрашивал и узнал, что в эту эпоху, похоже, ещё не использовали селитру для изготовления льда. Тогда он решил сам сделать лёд для Юнь-гэра.

Раньше, осенью и зимой, возле туалета в старом доме, казалось, было много инея. Вспомнив об этом, он сразу решил действовать. Он предупредил Юнь-гэра и верхом на лошади отправился в деревню.

По пути он поздоровался с деревенскими жителями и отдал подарки для семьи старосты, а затем направился прямо к старому дому у подножия горы.

Старый дом и так был ветхим, а без людей он разрушался ещё быстрее. Он не привязывал Сяо Мо, просто отпустил его пастись, а сам взял ведро и лопату и пошёл к туалету во дворе, чтобы копать землю там, где раньше видел иней.

После того как он выкопал, он добавил воды в ведро, чтобы размочить комья земли, затем процедил и вылил в котёл. Как раз чугунный котёл здесь был старый и не использовался, так что он подошёл для варки.

Пока смесь варилась, Лу Цзин быстро поднялся в гору, чтобы собрать несколько гроздей дикого винограда. Эта лоза была не в глубине леса, но очень хорошо спрятана. Лу Цзин случайно обнаружил её, и сейчас виноград как раз созрел. Он выбрал несколько сладких гроздей, чтобы отнести Юнь-гэру.

Вернувшись во двор, он увидел, что жидкость в котле почти готова. Лу Цзин убрал огонь, позволив остаточному теплу выпарить оставшуюся воду, и получил кристаллы селитры.

Он аккуратно завернул кристаллы селитры, положил виноград и запер дверь. Свистнув, он позвал Сяо Мо, который тут же прибежал.

Лу Цзин вытер пот со лба и посмотрел на небо. В следующую секунду он вскочил на лошадь и под жарким летним солнцем помчался к своему любимому человеку.

<http://bllate.org/book/12685/1123197>